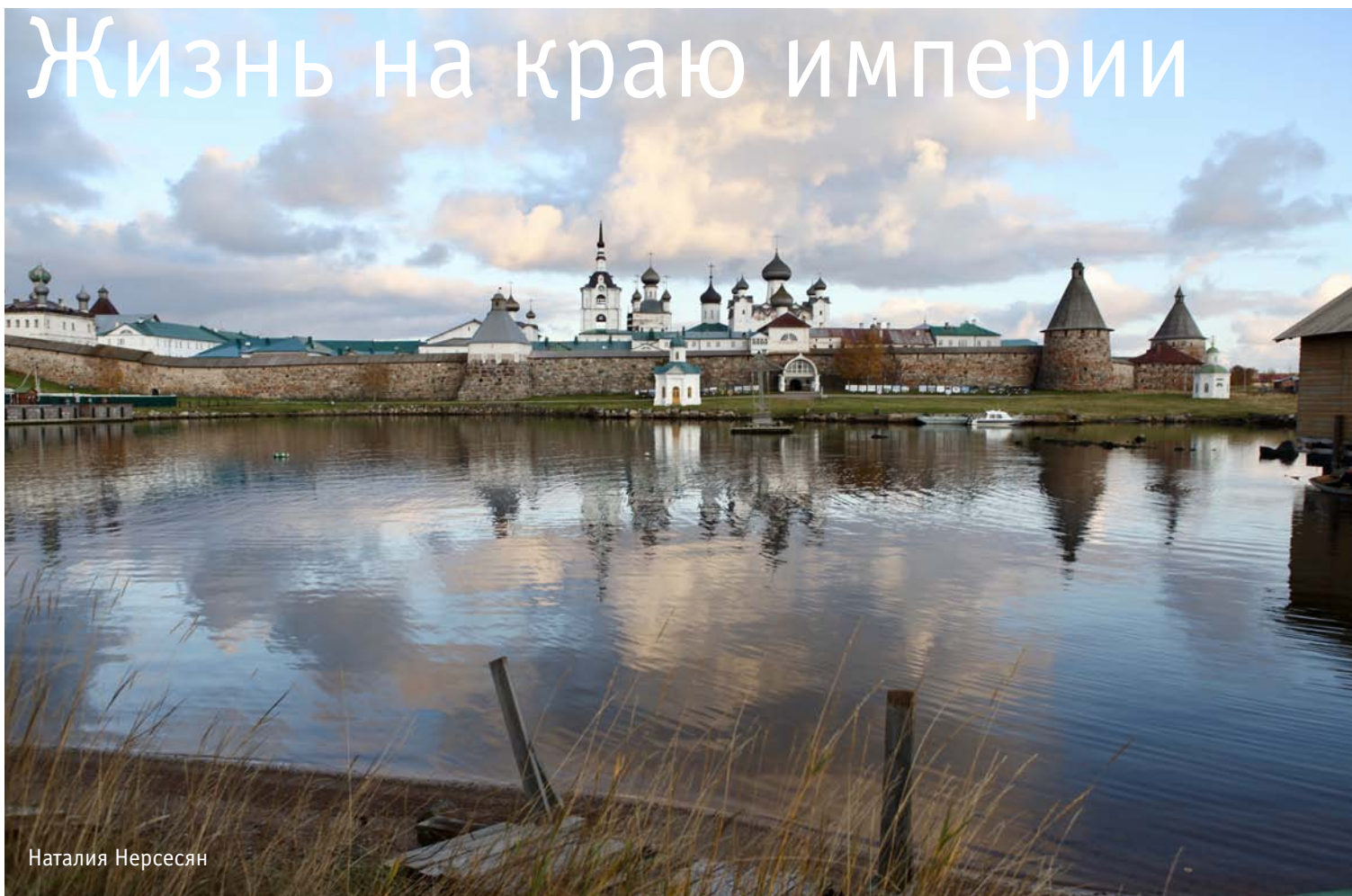


Жизнь на краю империи



Наталия Нерсесян

Мы отправились в редакционное путешествие на Соловецкие острова в конце сентября, когда сезон навигации был уже закрыт — да, морем туда можно добраться четыре месяца в году с мая по сентябрь, в остальное время материк и острова связывает только самолёт. Год назад взлётно-посадочная полоса Большого Соловецкого острова была закрыта на ремонт, летали вертолёты, 17 человек на борту, рейсы два раза в неделю

Наталия Нерсесян — продюсер
радио Sputnik, Москва



Наш вылет перенесли на сутки из-за плохой погоды. На следующий день в Архангельске было тихо и почти ясно, ближе к Белому морю поднялся ветер, дождь, садились мы чуть ли не в ураган, взлётная полоса оказалась залита водой.

«Странно, что он не развернулся обратно на землю», — сказал Евгений, он встречал нас. «Никогда не видела, чтобы вертолёт подлетал с этой стороны», — удивилась Марина, одна из сотрудниц Соловецкого музея-заповедника. Значит, они вас пустили, говорили все, с кем мы познакомились в посёлке.

«Они» — это острова. Местные жители разговаривают с «ними» всё время — как с большим великаном, живущим по соседству. Такое мы встречали ещё на Кунашире — тоже остров, Большой Курильской гряды — где все беседуют с вулканом Тятя: он спит, он не показал головы, сегодня он в шапке, у него плохое настроение.

И вот опять — «они изменяют вашу жизнь», «они решили». Так мы поняли, что говорить с природой вокруг — это часть островного мышления. Когда пространство ограничено водой, да просто ограничено, само место и природа становятся ближайшим другом. Советчиком, старшим братом, мудрым старцем. Собеседником, который всегда выслушает. Слушали и помнят острова много: Соловки стали свидетелями миллионов человеческих драм. Так решила когда-то история — точнее, люди, которые считали, что делают историю.

Соловецкий монастырь, существующий на островах более 600 лет, после переворота 1917 года был превращён в тюрьму строгого режима. Для людей, неугодных молодой советской власти — «врагов народа». Именно здесь был заложен и формировался ГУЛаг, который позднее стал синонимом советской системы политических репрессий: доносы, аресты, ссылка без суда и следствия, лагеря, тяжёлый рабочий труд в условиях Крайнего Севера.

Из-за удалённости от материка — почти 60 км по морю — почти на 10 лет Соловецкий монастырь оказался местом, где система лагерей была задумана и обкатана: здесь был исправительно-трудовой лагерь. Сейчас монастырь практически полностью отреставрирован, включён в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, сюда приезжают толпы

туристов со всего мира. Но в каждом доме — храме или бывшем деревянном бараке, в каждом камне в лесу, даже в звуках моря и шуме леса сохранилась история России XX века. Сложная, полная драмы история страны и людей.

Побывать на Соловках — это особый вызов. И дело не только в монастыре и Святом озере. Или вертолёт, который живёт по расписанию погоды и может прилететь через два, три, а то и все пять дней, нарушив планы на полгода вперёд. Здесь время останавливается и напоминает: у него, как и у истории, свои законы.

Вы чувствуете себя правителем Вселенной, но вы всего лишь человек, который только думает, что управляет миром. На островах природа буквально за минуту напоминает, кто здесь главный и от кого зависит завтрашний день. А сохранившиеся бараки, решётки в дверях монастыря и камни, разбросанные по всему острову, как молчаливые свидетели, рассказывают о том страшном времени, когда жизнь человека не стоила ничего. Даже тарелки супа. И не важно, кем вы были до Соловков.

Об этом говорят жители архипелага и сегодня. Для них большая часть года проходит в изоляции. И не только от материка. Пробки, час пик в метро, очереди в магазинах и прочие атрибуты жизни в большом городе здесь просто отсутствуют. Именно поэтому на Соловки приезжают из мегаполисов, на сезон или на несколько лет.

Мы познакомились с художницей Варварой, которая с мужем и детьми переехала из Москвы на острова несколько лет назад. Она живёт в деревянном доме конца XIX века, который отапливается дровяной печью. Она счастлива, потому что занимается тем, что ей нравится, — делает керамическую посуду — а детей не нужно провожать в школу, потому что здание через дорогу, и вокруг все друг друга знают. И одновременно ей грустно, потому что скоро дети закончат школу и Варе придётся уехать, чтобы они могли учиться дальше.

Мы познакомились с Людмилой, которая живёт на острове 33 года, заведует экскурсиями в музее, успокаивает беспокойных туристов, а в свободные часы работает местным депутатом. С Машей, которая приехала из Архангельска, работает экскурсоводом, и голос её звучит, как колокольчик в храме, по кото-

рому мы с ней ходили. С Евгением, который был главой местного посёлка, остался и перешёл на работу в музей. С единственным на острове участковым, который заставил пристёгиваться всех местных водителей, которым даже в голову не приходило это делать до его приезда.

Машин на острове почти нет, как и светофоров, дорожной разметки и пешеходных переходов. И каждая встреча, интервью с теми, кто живёт и работает на островах, заканчивалась многочасовой беседой. Сотни минут записей, из которых так сложно было оставить те 12 минут, необходимых для каждой из пяти частей нашего проекта. И тогда получился не просто документальный аудио- рассказ об истории островов и монастыря, каждый сюжет стал историей людей, когда-то живших или живущих на островах.

Мы слышим голоса героев — паузы, интонации, эмоции. Звуки ветра, дождя, шум моря. И спустя год, включая запись тех бесед, можно снова оказаться в одной комнате с Евгением и Людой, в монастыре на острове в Белом море, подняться с Машей на Секирную гору и вдохнуть запах Вариных красок у неё дома в крошечной мастерской.

Специальный проект на радио — это всегда работа целой команды. Обработка звука, музыка, монтаж — звукорежиссёр Олег Грабовский. Текст читает ведущий Никита Воронков. Соавтор и руководитель проекта Алексей Орлов.

&



Передача «Персона», автором которой я являюсь, в эфире с 2011 года. Это большое вечернее интервью с известными людьми. Чаще всего — на социально значимые темы. Подобных телепроектов в регионах сотни. Возможно, больше. И все они зависимы. От повестки дня, от «интересности» спикеров и от того, насколько «горят глаза» создателей этих эфиров.

Все 8 сезонов наша «Персона» менялась: темы, герои, даже название слегка эволюционировало. Настал момент, и мы «созрели» для апгрейда, и на региональном телевидении появилась новая вечерняя студия. В «гостевое» кресло мы стали приглашать только людей искусства и культуры. Художники, режиссёры, преподаватели актёрского мастерства, певцы, композиторы...

Дважды в неделю они рассказывали о своих проектах: о Шекспире в орловском театре, о песне, которая попала в кино, о фестивале, аналогов которому пока не придумали. Вопросы и ответы мы «разбавляли» съёмками, сделанными во время репетиций, фотографиями прошлых лет или «синхронами» с альтернативным мнением. Получался получасовой разговор про творчество, рождение замыслов, идеи и новые слова — всё от первого лица. И это прайм-тайм! На местном телевидении до нас этого не делали.

В таком светском образе «Персона» счастливо прожила половину сезона. А потом предлагаемые обстоятельства изменились. Грянула пандемия. Впервые на нашем веку всё остановилось. Темп замедлился. Отменились все массовые мероприятия. Музеи закрылись. В филармониях тоже стало тихо. Культура, как и все прочие сферы, «осталась дома». О чём говорить? А главное — с кем? Действующих спектаклей не дают. Новые — под вопросом. События никто не создаёт. Даже на канале «Культура» перестали выходить интервью. Для журналистов — трагедия, да и только!

Приглашать людей на съёмки в студию — означало рисковать здоровьем всех участников процесса. Напрашивалось — закрыть проект. Но отправлять «Персону» на больничную койку я не собиралась. Не для того всё это время мы растили рейтинг, чтобы наш зритель ушёл смотреть ютьюб.